

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

Е.Н. Ковтун (Москва, Россия)

**Социология фантастики: наблюдения
в рамках фантастоведческих курсов
в МГУ имени М.В. Ломоносова**

Аннотация: Данная публикация является завершающей частью исследования, посвященного анализу результатов письменных работ слушателей межфакультетских курсов фантастоведческой проблематики, прочитанных нами в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013–2020 гг. В ранее опубликованных статьях мы привели статистические данные о составе слушателей этих МФК, обобщили сведения о любимых слушателями писателях-фантастах и фантастических произведениях, о предпочитаемых типах фантастики; суммировали высказывания студентов о том, при каких обстоятельствах сформировалось их увлечение фантастической литературой. В данной публикации мы представим суждения студентов о будущем, а также расскажем о том, какие фантастические книги слушатели планируют в дальнейшем, возможно, самостоятельно написать.

Ключевые слова: литературная фантастика, фантастоведение, межфакультетские курсы МГУ имени М.В. Ломоносова

E.N. Kovtun (Moscow, Russia)

**The Sociology of Science Fiction and Fantasy:
Monitoring Within Science Fiction and Fantasy Studies Classes
at Lomonosov Moscow State University**

Abstract: The publication is the final part of the research dedicated to the analysis of the results of written works made by the students of inter-faculty courses of science fiction and fantasy studies undertaken at Lomonosov Moscow State University during 2013–2020. In the previous articles we provided statistical data on the students' composition, summarized information about their favorite writers and books of science fiction and fantasy as well as about preferred types of such a literature; summarized students' remarks about under what circumstances their interest to science fiction and fantasy has been emerged. In this publication we introduce the students' considerations on future and also on books of science fiction and fantasy the students are planning, may be, to write themselves.

Key words: literary science fiction and fantasy, science fiction and fantasy studies, inter-faculty classes of Lomonosov Moscow State University

ЧАСТЬ 4

Помимо вопросов фантастоведческого характера, ответы на которые рассмотрены нами в предыдущих частях данной публикации¹, в рамках чтения МФК – и особенно в ходе бесед со слушателями о творчестве крупнейших мастеров фантастики, подобных К. Чапеку, С. Лему или А. и Б. Стругацким, – обсуждался также ряд тем философского и этического характера, раскрываемых этими писателями. Часть подобных тем студентам было предложено прокомментировать в письменных заданиях. Их результаты мы приводим ниже.

МЫСЛИ О БУДУЩЕМ

Одной из самых интересных для слушателей МФК оказалась тема будущего – точнее, представление фантастами социального устройства и образа жизни наших далеких потомков. Рассматривая предлагаемые писателями футуристические модели, студенты принимали или критиковали отдельные их аспекты, а также дополняли прочитанное собственными суждениями. Совокупный «облик грядущего», суммированный на основе студенческих работ 2013 г. и обобщенный нами по нескольким глобальным параметрам (научный и технический прогресс, экология, экономика, социальное устройство, духовная эволюция человечества) мы уже анализировали в одной из наших публикаций².

В МФК-2015 данное письменное задание было несколько изменено. Слушателям на основе прочитанных фантастических текстов и собственных размышлений предлагалось высказать суждение по трем вопросам: *какое научное открытие станет определяющим для человечества в будущем, как изменится в будущем структура социума и какова наибольшая опасность, могущая ожидать человечество*. Всего на данную тему было получено 172 письменных работы. При обобщении их результатов в скобках мы, как и ранее, указываем количество повторяющихся ответов – если подобные повторы имелись³.

В числе судьбоносных изобретений (вопрос № 1) на первом месте предсказуемо оказались открытия в области информационных технологий: «искусственный интеллект» (28), «выход в Интернет без помощи устройств» (по-видимому, путем выполнения компьютером мысленных приказов), «интеграция сознания и виртуальной реальности», «внедрение чипов памяти в мозг человека», «овладение способностью читать мысли» и т. п.

От информационных технологий ненамного отстали обобщенные «открытия в космической области» (15), – видимо, как позволяющие достичь космических глубин, так и сделанные непосредственно на далеких планетах и звездах («обнаружение новой жизни на другой планете», «колонизация планет», «добыча ресурсов за пределами Земли»). Если же конкретика применительно к дальним путешествиям все же появлялась, то реализовывалась в следующих уточнениях: «телепорта-

¹ См.: Stephanos. 2019. № 1, 4; 2020. № 1.

² Ковтун Е.Н. Фантастика в зеркале читательских ожиданий (из опыта чтения межфакультетского курса «Кросс-культурные коды фантастики» в МГУ имени М.В. Ломоносова) // Studia polonoslavica: К 90-летию со дня рождения Е.З. Цыбенко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 379–403.

³ Количество приводимых нами ответов меньше, чем общее число работ, так как мы не приводим и не обсуждаем малоинформативные формулировки вроде: «открытия в сфере химии, биологии», «новое общественное устройство», «изменение форм государств», «рост в области медицины», «новые материалы» и т. п.

ция» (10), «сверхсветовые скорости» (7), «преодоление гравитации» (2), «термоядерный двигатель» (вариант не без иронии – «вечный двигатель») и, конечно же, «машина времени» (13).

Из других важнейших изобретений внимания удостоились «нанотехнологии» (4), «генная инженерия» (3), «квантовый компьютер». Перспективными открытиями были сочтены также «новые теории о соотношении пространства и времени», «холодный ядерный синтез» и вообще «принципиально иное понимание физики».

Целая группа ответов оказалась посвящена энергетике будущего: «появление альтернативных неиссякаемых источников энергии» (4), «способность создавать материю из энергии и наоборот», «более дешевый способ добычи нефти» (альтернативная версия – «отказ от нефти») и даже «повышение КПД электростанций».

Особую позицию на верхушке рейтинга заняла медицина: от «эликсира бессмертия» (14), «молекулярно-генетических открытий», «клонирования живых организмов», «лекарства от всех болезней» (8) и «долголетия» (2) до более локальных прогнозов – «изобретение средства от рака», «препараты, развивающие умственные способности». Сюда же, к теме потенциального бессмертия, по-видимому, следует отнести и высказывание о «возможности сохранять интеллект других людей (даже после их смерти? – *Е.К.*)».

Медицину и информатику объединили формулировки следующих открытий: «возможность моделировать характер человека еще до его рождения», «внедрение в человека генов, которые позволят обходиться без использования денег (т. е. бумажных банкнот. – *Е.К.*), телефонов и т. п.», «управление человеческим мозгом» (хотя, как тут же критически заметил автор ответа, это и «может привести к катастрофе»).

Наконец, к глобальным переменам в области науки грядущего студенты отнесли «открытие новых форм жизни» (вероятно, в космосе. – *Е.К.*) и «создание новых форм жизни на Земле», а также «открытия, связанные с пониманием сложности мирового устройства и назначения человека», – и несколько загадочную новацию, заключающуюся в «прекращении обрабатывать информацию самостоятельно» (то ли в положительном смысле – всю «черновую» аналитическую работу возьмет на себя компьютер, то ли в плане негативном: человечество превратится в безмозглого паразита при информационных системах. – *Е.К.*).

Социум будущего (по ответам на вопрос «*Что изменится в будущем в социальном плане?*») предстает во мнении слушателей МФК как «информационное общество» (12), характеризующееся следующими основными параметрами: «отсутствие живого общения между людьми» (19), «социальная изоляция» (15), «увеличение роли виртуальной реальности» (12), «автоматизация» (5).

Студенты полагают, что закономерным следствием цифровизации («люди станут цифровыми») будет «коренное изменение организации общества» (2). Однако конкретные прогнозы разнятся: кто-то говорит о «равном распределении благ», «исчезновении социальных слоев» (6), «росте глобализации» (2), «смещении рас и национальностей» и «объединении всех стран в одну» (5), т. е. о том, что с «развитием информационных технологий мир в целом будет более един». Другие, напротив, предвидят «распределение людей по кастам» (10), «порабощение людей “высшим” классом», усилившееся «социальное расслоение» (5; вариант – «расслоение общества по классам»). Интересен вывод одного из отвечавших о том, что «главным критерием принадлежности к определенному социальному классу станет уровень владения информацией».

Различным образом представляются студентам и психологические последствия прогресса информационных технологий, их влияние на внутренний облик человека и взаимоотношения между людьми. Встречаются прогнозы полного исчезновения «института семьи» (4), «института брака» (3), «религий» (3). Но с ними соседствуют противоположные гипотезы – об усилении в будущем религиозных и учащении межнациональных конфликтов. Возможно, первая группа ответов подсознательно ассоциируется у слушателей МФК с «дальним» (и очень непохожим на настоящее) будущим, вторая же с ближайшей перспективой («завтрашним днем»), непосредственно вытекающей из привычной им реальности.

Сказывается на ответах, вероятно, и общий эмоциональный настрой отдельных респондентов. Пессимисты предсказывают «уменьшение количества населения в силу нехватки ресурсов», «торжество индивидуализма» (3), «перенасыщение информацией», «утрату интереса к познанию» и «падение нравственности» (по-видимому, тотальное). Оптимисты же уверяют, что «люди станут менее эгоистичными» (3), «исчезнут неполноценные семьи», «человек перестанет осуждать другого из-за его непохожести», «расизм и другие виды дискриминации сойдут на нет» (2), «когнитивистика, новые ориентиры мышления приведут к совершенствованию системы социальных отношений». Человечество, по мнению оптимистов, ждет «повышение уровня жизни», «улучшение здоровья» (та же мысль в иной формулировке – «врачи перестанут быть востребованы»), «возрастание роли сферы услуг», «улучшение доступа к информации».

Не менее прихотлив и веер политических прогнозов: от утверждений, что «общество станет более либеральным» и «люди перестанут быть зависимыми от СМИ» – до «построения коммунизма» и «подчинения людей власти политики и СМИ». Крайне негативными, по-видимому, следует считать высказывания о том, что «история человечества будет переписана; акценты расставлены на открытиях в области техники» и что население планеты ждет «война, в ходе которой (вероятно, имелось в виду, по итогам. – Е.К.) всё (вероятно, развитие цивилизации. – Е.К.) начнется сначала».

С мрачными прогнозами пессимистов о состоянии грядущего социума солидарны авторы ответов на третий вопрос: *какова наибольшая опасность для человечества в будущем?* Иерархия мнений здесь выглядит так: «перенаселение» (22), «исчерпание ресурсов» (17), «экологические катастрофы» (10), «исчезновение пресной воды» (3), «загрязнение окружающей среды» (2), «техногенные катаклизмы» (4) и «выход техники из-под контроля» (6). Среди внешних причин катастроф преобладают: «нашествие инопланетной расы» (3), «войны с другими цивилизациями» (3), «столкновение с космическим объектом».

Из более редких вариантов негатива симптоматичны: «соцсети (доминирование виртуального)», «неизлечимый вирус» и «медицина, нарушившая естественный отбор», «противостояние богатых и бедных», «религиозные и расовые конфликты», «возрождение фашизма».

Не меньшее количество угроз заключено в самих людях: «деградация сознания, интеллекта» (23), «превращение людей в “овощей”» (2), «моральный упадок» (7), «утрата человечности» (6), «обесценивание культурного наследия» (5) и – не в последнюю очередь – «отсутствие физического труда» (4). В качестве последствий всего этого прогнозируется «воцарение общества потребления» и «мещанства в понимании Стругацких», «разобщенность человечества» (3), «избыток неживого общения» (2), «отсутствие восприятия себя как личности», «потеря смысла жиз-

ни» (2), «страх смерти» и, наконец, «неконтролируемая агрессия» (2). Далее неизбежным видятся: «новое ядерное оружие» (14), «неконтролируемое развитие военной промышленности», «Третья мировая война» (5), «атомная война» (3), «война с использованием новейшего вооружения» (2) и финальное «самоуничтожение человечества» (2) или же его «возвращение к аналогу каменного века» (2).

Обобщая, можно отметить, что палитра высказываний слушателей МФК о будущем вполне соответствует проработанности данной темы в отечественной и зарубежной фантастике XX–XXI вв. и отражает как основные позитивные трактовки грядущего (утопическая традиция), так и базовые негативные варианты, воспроизводимые писателями в антиутопиях и романах катастроф. Нас же особенно порадовали высказанные целым рядом слушателей мысли о том, что «угрозу социуму несет слишком стремительное техническое развитие», «неконтролируемый технический прогресс ведет к деградации человека». Именно данные представления в течение двух столетий старалась внушить своим читателям социальная фантастика, от Г. Уэллса, О. Степлдона и К. Чапека до И. Ефремова, А. и Б. Стругацких и многих современных фантастов (П. Уоттс, А. Рубанов, А. Старобинец).

ВОСПИТАНИЕ «НОВОГО» ЧЕЛОВЕКА

Рассуждения об опасностях, ожидающих человечество в будущем, естественным образом вызвали продолжение дискуссии о том, как можно избежать потенциальных угроз. С данной точки зрения интересен состоявшийся в рамках МФК-2019 разговор о воспитании человека будущего и гражданина «идеального» социума. Дискуссия, продолжением которой стали письменные работы слушателей, развернулась после лекции о творчестве А. и Б. Стругацких, в рамках которой рассматривалась предложенная писателями концепция Мира Полудня (позитивная модель общественного развития). В открывающей цикл произведений об этом мире повести «Полдень, XXII век» (1967) Стругацкие изложили, в частности, собственную концепцию коллективного воспитания детей в грядущем коммунистическом обществе. Все без исключения дети и подростки определенного возраста совместно учатся и живут в специализированных интернатах, расположенных в различных климатических поясах Земли. Во многом аналогичную концепцию коллективного воспитания предложил примерно в то же время и другой выдающийся представитель послевоенной отечественной фантастики И.А. Ефремов в романах «Туманность Андромеды» (1957) и «Час быка» (1969).

По итогам лекции слушатели МФК получили задание написать о том, какими им видятся система образования будущего и методы нравственного воспитания наших потомков.

Всего было получено 175 работ. Большая группа ответов оказалась посвящена *модернизации учебного процесса*. Парадоксальным образом в этих ответах оказалось много очевидного, вполне возможного – и даже широко доступного – непосредственно сейчас: «мобильная и быстро реагирующая на изменения образовательная система», «онлайн-лекции и семинары», «мультимедийные учебные пособия», «электронные книги», «дистанционное обучение», «проектная деятельность», «интерактивные мероприятия» и т. п.

Экстраполяция в будущее данных новаций позволила спрогнозировать и более существенные перемены: «автоматизация многих процессов, удаленное обучение, большая самостоятельность учеников», «преподаватели не могут быть заменены роботами, но процессы проверки знаний, тесты будут автоматизированы».

Однако при этом, как подчеркнул автор последнего высказывания, «должен быть оставлен простор для творчества». Аналогичным образом другой респондент настаивал: «компьютеризация обучения только для учеников старших классов, иначе дети станут похожи на роботов – а школа должна быть местом, куда захочется возвращаться».

Однако эти опасения отнюдь не остановили поклонников технического прогресса, которые смело утверждали: «станут неактуальными все профессии, кроме программистов; всех нужно обучать программированию», «здание школы должно быть самым технологичным зданием города», «практические лаборатории, техника, онлайн-уроки; голографический Есенин, декламирующий свои стихи на уроке литературы, – вот образование будущего».

Следующий качественный скачок – реформирование фундаментальных основ образовательного процесса: «школы и вузы в привычном понимании исчезнут», «необходимо отменить домашние задания, но сделать больше уроков, добавить обсуждения с учителями нового материала; ввести специализацию классов на основе предпочтений к будущей профессии», «в школе будущего должны обучать не только привычным нам предметам, но и искусству, музыке, танцам; с определенного возраста ученик выбирает понравившиеся предметы, необходимые для его специализации», «каждый должен образовываться во всем, специализируясь на чем-то одном», «нужно учить не только предметам, но и грамотно выражать свои мысли, логически рассуждать, уметь обосновать свою позицию», «основная задача школы – формирование у детей навыков коммуникации в обществе; для продвинутых учеников должны быть предусмотрены особые лекции и долгие разговоры с преподавателями», «уроки не должны ограничиваться предметами, а совмещать в себе все области сразу – ведь все взаимосвязано, а мы искусственно делим живой естественный процесс», «будет введено разделение детей по разным специализированным школам в 12–14 лет в зависимости от их предпочтений, обязательное проживание хотя бы 1 год в совсем другой семье, мультикультурализм в обучении».

Другая часть слушателей МФК сосредоточилась не столько на образовании, сколько на воспитании нового гражданина: «необходимо развивать личностные качества», «большой акцент в образовании делать на духовном, а не на техническом», «идеальная школа – советская, плановое 10-летнее обучение, просветительская работа с нравственными идеалами, формирование разносторонне развитого человека». «Вне зависимости от системы образования главное – те ценности, которые прививают человеку. Личность должна развиваться гармонично и воспитываться в разных сферах». «Необходимо создавать школы, способные сохранить все разнообразие человеческого опыта». «Упор должен быть сделан на воспитание в человеке человека, думающего, рассуждающего, имеющего собственное мнение. Школа должна закладывать нравственность, воспитывать в человеке личность, а не подавлять индивидуальность».

Ради улучшения нравственности сторонники реформ готовы на самые решительные меры. «Главная цель воспитания – создание условий, в которых нормы морали превалировали бы над природными инстинктами, а разум победил естественные желания. Возможно, для этого следует изолировать детей от взрослых (кроме воспитателей) на несколько поколений». «Обучение будет производиться либо людьми при помощи искусственного интеллекта, либо только искусственным интеллектом». «Необходимо обучать умению передавать знания, четко и честно высказываться, сдерживать раздражение – все общество должно быть учи-

телем!» И в качестве неожиданного категорического вывода: «Меня устраивает современный человек, но ему следует стать более ответственным по отношению к обществу и к окружающему миру».

По вопросу о предпочтении коллективного обучения (интернатов) традиционному семейному воспитанию разгорелись яростные дебаты. Сторонники традиций заостряли достоинства *индивидуального подхода* к ребенку, возможного, с их точки зрения, лишь в семье и школе привычного типа. «Необходима индивидуальная система воспитания, прямой контакт наставника и ученика. Нельзя отказываться от преподавателей и переходить к полностью виртуальной системе». «Для школы будущего характерны индивидуальный подход, индивидуальные менторы, выявление и развитие талантов, упор на творчество, развитие сильных сторон личности». «Я против интернатов, лучше индивидуальное обучение, хотя это сложно, потому что дети сами не знают, чего хотят». «Необходим индивидуальный подход: в раннем возрасте – базовые предметы, анализ способностей ребенка, и в дальнейшем нужно фокусироваться на той области, к которой конкретный человек имеет склонность».

К плюсам семейного воспитания слушатели отнесли «воспитание в любви – и разнообразие, а это ключ к выживанию». «В школе ребенок учится существовать в социуме, но семья должна быть на первом месте, и в школе должно быть больше пропаганды семейных ценностей, чем карьерного роста». «Ребенок должен воспитываться в узком кругу, в любви и заботе, коллективное воспитание уменьшает личностный подход и делает детей одинаковыми, штампованными». «Если воспитывать детей отдельно от семей, то это поможет детям из неблагополучных семей. Но не будут ли такие дети слишком одинаковы, смогут ли смотреть на жизнь с разных сторон?» «Люди, воспитанные обществом, может, и будут правильными, совершенными, но глубоко несчастными, потому что любому человеку необходимо иметь что-то свое, личное, принадлежащее лишь ему – семью, близких людей». «Идея обобществления (т. е. коллективного воспитания. – Е.К.) детей грозит обеднением культуры, поведенческих стратегий, ведь каждая семья несет свои традиции, ценности, воспитывает ребенка в уникальной атмосфере. Неравенство воспитания – залог разнообразия в обществе».

Впрочем, и респонденты-«традиционалисты» отнюдь не идеализировали семейное обучение: и заявляя о необходимости введения «профессионального родительства» («родители сами должны быть хорошо воспитаны», «должен оставаться институт семьи, но родители должны доказать обществу право на то, чтобы иметь ребенка, – тогда не будет плохих родителей и ненужных детей»¹), и ратуя «за воспитание в семье, но чтобы с раннего детства дети ходили на кружки и т. д., на что сами захотят». Наконец, трезвомыслящие «консерваторы» призывали социум равно заботиться об обеих категориях участников образовательного процесса. «Общество не должно снимать с родителей ответственность за воспитание ребенка, но оно должно предоставить им условия и инфраструктуру, в которых возможно благоприятное воспитание».

Сторонники же *коллективного обучения* подчеркивали, что «интернаты обеспечивают более высокое качество образования». «Семейные узы в будущем будут менее значимы. Необходимо преодолеть индивидуализм и сепаратизм, исходящий от родителей». «Родители воспитывают ребенка для себя, а не для его будущего». «Интернатная модель “Мира Полудня” хоть и не идеальна, но, возможно,

¹ И даже еще более определенно: «надо дать человеку право самому выбирать семью».

помогла бы человечеству стать лучше, частично отринув оковы наследственности». «Я – за отделение детей от родителей. Воспитание ребенка в окружении взрослых прививает консерватизм мышления, в то время как цель хорошего воспитания – формирование у нового поколения идей о том, как улучшить существующий мир». «Только при коллективном воспитании человек будет сформирован таким, каким он нужен социуму, без влияния на него представлений о жизни его родителей». «Интернаты – хорошая школа жизни. Они дают независимость, самостоятельность. Институт семьи устарел». «Есть неблагополучные семьи, поэтому коллективная модель воспитания для меня выглядит привлекательнее».

И лишь некоторые респонденты сочли возможным смягчить категоричность суждений. «Сейчас я за семейное воспитание, но в будущем, когда общество дойдет до определенной ступени развития, коллективная модель кажется мне более заманчивой». «Я за интернаты, но они должны быть высокоразвитыми, предлагать интеллектуальные игры и развлечения, высокие технологии». «Мне чужда концепция, где детей забирают от родителей в интернаты, хотя сама идея интернатов с возможностью раскрытия талантов каждого ребенка кажется мне осуществимой. Также возможно создание центров увлечений, где можно позаниматься разными видами деятельности, обязательных для посещения, например, четыре раза в год». «Мне нравится идея интернатов, но детей не стоит забирать в них так рано, только лет с 11–13, ну и если родители будут навещать. Однако мало верится, что родители из разных слоев общества не будут влиять на то, с кем именно будут общаться их дети и кто их будет учить».

Наконец, немалое количество отвечавших попыталось снять противоречие между индивидуальным (семейным) и коллективным воспитанием за счет объединения лучших черт обеих моделей. «Современный ребенок и так воспитывается различными коллективами, поэтому концепции семейного и коллективного воспитания не являются взаимоисключающими. Но в будущем возрастет регулирующая роль общества в вопросе воспитания». «У детей должен быть выбор, поэтому надо оставить обе концепции обучения, но общество должно стимулировать людей учиться в интернатах». «Школа будущего должна создать примерно одинаковые условия для всех, но без полной изоляции от семьи». «Необходимо оставлять детям выбор, сочетать концепции: например, день в школе, а вечер и ночь – дома, или – по желанию – тоже в школе». «Ребенок в определенном возрасте сам выбирает, остаться ли в семье или учиться в специальном учреждении».

«Чтобы вырастить благородного, честного и смелого человека, его с детства нужно воспитывать в коллективе. Но в уже сложившемся обществе “Мира Полудня” родители могут и сами воспитать ребенка, подобного себе». «Я за модель “Мира Полудня”, но предпочтительны не огромные интернаты, а небольшие образовательные ячейки». «Дети могут жить отдельно от семьи, но контакт с ней должен сохраняться. Если им тяжело (существовать в коллективе. – *Е.К.*), пусть живут в семье». «Учителя плюс родители – вот наиболее полное образование, способствующее развитию личности». «Возможен компромисс: введение экзаменов для родителей (как в “Возвращении со звезд”¹); если они могут и хотят много дать ребенку, то воспитывают его сами, в противном случае он забирается в интернат». «Предпочтительно семейное воспитание, но возможен специальный отбор в специальные школы, которые дают каждому человеку навыки и знания, необходимые именно ему». «Предлагаю промежуточный вариант – путем тести-

¹ Имеется в виду роман С. Лема, написанный в 1961 г.

рования выбирается лучшая для конкретного человека стратегия воспитания, и в зависимости от нее оно может проходить как в коллективе, так и индивидуально. Это приведет к максимальной реализации потенциала человека, хотя и потребует огромных затрат».

Интересно, что группа респондентов отметила отсутствие непроходимой границы между образовательной моделью грядущего – и существующей ныне. «Меня привлекает нынешняя система образования, в которой применяются некоторые идеи Стругацких: на одного учителя – немного учеников. Учителя, умеющие заинтересовать, разбирающиеся в предмете, побуждающие задавать вопросы». «Сейчас не хватает хороших педагогов, некоторых предметов, но система в целом хорошая».

Особой темой обсуждения, опять-таки подсказанной художественными моделями грядущего в книгах И. Ефремова и братьев Стругацких, стала *личность и роль учителя в обществе будущего*. Большинство слушателей МФК горячо поддержало этих фантастов, создающих образы учителей-подвижников, всецело преданных профессии. «Я думаю, победит концепция воспитания детей людьми с призванием, специально подготовленными учителями (“Мир Полудня”, “Туманность Андромеды”»». «Чтобы создать новое общество, его нужно строить с нуля, собрать лучших людей планеты и им доверить воспитание нового поколения людей». «Абсолютно необходима передача процесса обучения в руки специалистов». «Категорически необходим отбор учителей, на самом деле достойных учить детей». «Воспитание детей лучшими Учителями разовьет их способности, что благоприятно скажется на обществе. Наиболее правильна система с Учителями в интернатах, такое воспитание является целостным и конкретным. Учителя – профессионалы, они умеют преподавать, не будут выделять любимчиков». «Вдохновленных, образованных, любящих свое дело ученых нужно отправлять во все уголки страны, чтобы не было захолустных школ, чтобы дети могли больше общаться с “примерами” (вероятно, имелись в виду известные личности, выступающие как образцы для подражания. – Е.К.)». «Главный вопрос – не где проходит обучение, а кто обучает человека, именно от этого зависит будущее».

Наиболее интересными, на наш взгляд, оказались ответы слушателей, осознавших сложность поставленных вопросов – и настаивающих на *комплексном характере обучения и воспитания*. «Кажется, что в обществе (т.е. при коллективном обучении в интернатах. – Е.К.) мы все были бы воспитаны благополучно (в то время как из семьи мы приносим страхи, комплексы), но вместе с тем исчезла бы индивидуальность, порождающая сложность и прелесть человеческих отношений. Сила – в многообразии. Непохожесть определяет устойчивость к трудностям». «Нужно воспитывать детей в любви, заботе, безопасности, но давать им свободу. Всем детям 3–5 лет должны быть доступны учебно-развлекательные центры, где развивали бы их творческие способности, знакомили с природой, учили заботиться о себе и других». «В школах будущего, как мне видится, классы формируются по способностям детей. В 1–3 классах определяются их основные предпочтения. Гуманитарии, технари, мастера учатся отдельно. Но на встречах клубов чтения, спортивных мероприятиях все собираются вместе».

«В школе много часов должно быть уделено изучению литературы, истории и языков, потому что они развивают духовный мир человека. Также необходима сильная физико-математическая база. Большое внимание должно уделяться внеклассной активности – чтению, кружкам, спорту, – в которых человек может быть самим собой, а не частью толпы». «Воспитание должно быть всесторонним.

Воспитывать ребенка должны родители, а углубленные знания, связанные с профессией, он должен получать во взаимодействии с другими людьми. Духовное воспитание ребенка создается всеми, с кем он имеет контакт».

«Обязательной будет свобода выбора занятий (если ребенок сможет аргументированно объяснить специальной комиссии, почему какой-либо аспект его базового воспитания должен быть изменен, то его изменят). У всех должна быть возможность попробовать всё. Воспитание не только в каком-то ограниченном обществе, но общение со всем городом. Необходимо и пребывание на природе, постоянная смена обстановки».

Сторонники комплексной модели нередко подчеркивали важность *последовательной смены разных стратегий обучения и воспитания*. «Родители => школа (акцент на развитие талантов каждого ребенка) => коллектив (место работы). Роль родителей в воспитании должна постепенно уменьшаться вплоть до нуля». «Детей дошкольного возраста должны воспитывать семья и учителя вместе. Последующее воспитание следует производить коллективно, готовя детей к будущей жизни в обществе. Это поможет наладить коммуникацию людей, которые в будущем займут совершенно различные социальные ниши». «Мне видится так: первоначальное обучение в семье до 10–12 лет, затем тестирования, оценка успеваемости и анализ желаний ребенка – а дальше его помещение в учреждение интернатного типа со специализацией». «До 8 лет ребенка должна воспитывать семья, потом – интернат (но общение с родителями разрешено). В 18 лет обучение заканчивается, и человек сам решает, как ему быть». «Семейное воспитание до 10 лет, далее интернаты. Дети могут возвращаться домой на выходные. Дальше колледжи и университеты, по желанию». «Сначала воспитывает семья, потом школа (где необходимо поднять престиж профессии преподавателя), а с 14–16 лет образование может даваться в формате интернатов, где будет большее погружение в процесс обучения».

Большинство отвечавших отстаивало право ребенка на *самостоятельный выбор форм и стратегий обучения*. «Больше возможностей для самостоятельной работы школьников!» «Нужно воспитывать детей, не ограничивая их. Пусть мальчики занимаются танцами или рукоделием, если хотят. Когда ограничиваешь в чем-то запретном, ребенок часто назло делает наоборот». «Ребенку в будущем предоставят широкий спектр наук, чтобы он определился, что у него лучше получается – и в соответствии с его выбором развиваются его сильные стороны». «Школа в определенный момент должна давать выбор, какие предметы изучать на базовом уровне, а какие на профильном».

«В первую очередь должно учитываться желание детей. В школах в старших классах следует ввести возможность пробовать разные профессии и делать самостоятельный выбор. Нельзя ограничивать круг общения детей только людьми их специальности, нужно, чтобы в образовании присутствовали самые разные дисциплины». «Дети в раннем возрасте пробуют себя в разных областях и развиваются соответственно. Большая свобода выбора и свобода творчества». «Обучение для тех, кто хочет, тому, чего они хотят». «Нужно отпускать человека в свободное плавание на поиск себя». «Ключевой момент – желание человека, его стремление к развитию. Задача воспитания – привить его, но, если не получилось, не надо заставлять человека развиваться против его воли». «Человек должен пробовать себя в разных областях и занятиях, охватывающих все многообразие человеческой деятельности».

И – крик чей-то измученной души: «Не должно быть ЕГЭ!»

Нашлись, однако, и сторонники противоположного подхода, предполагающего решение судеб молодого поколения другими людьми – взрослыми, социумом, государством. «Я – за главенство государства и социума в воспитании. Это исключает появление образованных людей, которые принимают решения на основе иррациональных традиций или устаревших ценностей. Только специально разработанный план воспитания может сделать из каждого ребенка достойного члена общества будущего».

Подобная точка зрения закономерно приводит к *стандартизации обучения*. «Образование будет более стандартизированное, меньше места воображению (я к этому отношусь нейтрально, это не плохо и не хорошо)». Другой вариант – четко планируемая государством дифференциация. «Обучение должно быть дифференцируемо и адаптивно к способностям учеников. Много образованных людей быть не должно, массовая часть должна быть пролетарской, трудовой. Само образование должно выделять элиту в обществе». «Каждому с рождения должна приписываться специальность и закрепляться должностью». Оправдывая подобную жесткость, слушатели апеллируют в том числе к психологии. «Я согласен с устройством мира в производстве “Белый ферзь”. Люди трудно переобучаемы, и если они относятся к Аду, то они и будут создавать Ад»¹.

Сторонникам стандартизации горячо возражают защитники *социальной справедливости*. «Каждому ребенку необходимо давать возможность выбора своего жизненного пути, деление на классы несправедливо». «Необходимо, чтобы первоначально не было конкретного деления на классы, нужна возможность каждому выбрать свой жизненный путь и попытаться пройти его вне зависимости от социального класса».

В более мягком звучании принцип «внешнего» определения судьбы ребенка выражается, например, так: «Было бы интересно, если бы человечество изобрело аппарат, который мог бы определять, какие способности заложены в человеке. Например, рождается ребенок. Специалисты просканировали его и увидели на экране всего одно слово (математика, искусство, кулинария). Это могло бы помочь как можно раньше определить главное дело своей жизни. И заниматься по-настоящему любимым делом».

Отдельную группу составили мнения скептиков и анархистов, отрицающих саму постановку вопроса о возможности планомерного создания личности нового типа. «Система воспитания в будущем не будет сильно отличаться от нынешней. Всегда будет разделение по знаниям и предпочтениям, потому что не могут все люди быть гениальны во всем и будут развивать только определенные знания». «Из человека не стоит пытаться сделать идеал. Воспитание есть форма насилия. Насилие полностью исключить невозможно. Но можно попытаться его не порождать еще больше. А потому школ быть не должно». «Хороша та система, где не нужно быть похожим на родителя или учителя, а нужно быть похожим на себя». «Воспитание, школы, образование не нужны, поскольку человечество как обузу акселерационных потоков капитала ожидает полная аннигиляция, а киборгической сборке, которая придет ему на смену, не будет требоваться обучение в классическом понимании этого процесса». «Для создания общества будущего

¹ Слушатель ссылается на так и не написанный А. и Б. Стругацкими роман, в котором предполагалось изобразить «идеальное» государство, построенное по территориально-сословному принципу. Подр. см.: *Стругацких Б.* Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003.

необходимо генетически изменить человека. Текущая психика человека приспособлена к обществу первобытных времен (охотники / собиратели)».

В завершение же обзора приведем наиболее резонный, все и всех примиряющий ответ: «идеальной концепции воспитания не существует, потому что мир постоянно меняется, и система воспитания должна меняться вместе с ним».

ПИШЕМ ФАНТАСТИКУ САМИ

Логичным завершением дискуссий о будущем и творчестве любимых фантастов стало письменное задание-рассуждение о том, какое фантастическое произведение хотел бы (или даже всерьез собирается) когда-нибудь написать каждый из слушателей. В 2020 г. на данный вопрос было получено 186 развернутых ответов. По понятным причинам мы не сможем привести их все и полностью, но обратим внимание на наиболее интересные типологические схождения и тематические особенности высказанных мнений; процитируем же лишь самые яркие и типичные из них.

Прежде всего при опросе выяснилось, что целый ряд слушателей МФК уже пробует свои силы в фантастике¹. «Ну... Что-то я уже пишу (далее приведена ссылка на интернет-публикации. – *Е.К.*)). «Фантастику я писала и пишу, нравится». «Я сейчас работаю над фантастическим произведением». «В настоящее время я работаю над романом в жанре фэнтези».

Другие студенты планируют писать фантастику в дальнейшем – или ищут путь в литературу через смежные области искусства. «Задумывалась, имею несколько идей». «Написать свою фантастическую историю – у кого не возникало такой мысли? У меня тоже возникала». «Чуть больше полугода я веду текстовую ролевою игру по своему [вымышленному] миру».

Третьи уже успели разочароваться в сочинительстве после одной или нескольких неудачных попыток. «Когда-то я даже пытался написать свою небольшую повесть, но закончилось все это не совсем удачно». «Писать фантастику пытался и много задумывал фантастических сюжетов. Пока до финала ни один еще не доведен». «Я несколько раз приступал к написанию фантастического произведения. Каждый раз все задумывалось как банальное фэнтези, которое в будущем сделает меня богатым и знаменитым. Однако в итоге все превращалось в нечитабельную философскую фантастику, порой иронически анализирующую остросоциальные проблемы».

Наконец, четвертая группа отвечавших резонно отметила, что только лишь мечтать о чем-то подобном попросту глупо. «Вообще, если бы я теоретически мог что-то написать, я уже написал бы». «Если бы такая идея пришла мне в голову, то, скорее всего, я бы уже начал писать научную фантастику». «Вот такой роман я бы написал, да не напишу никогда».

Среди же тех, кто, получив задание, впервые всерьез задумался о создании фантастического текста, заочная полемика разгорелась по сразу нескольким важным темам. Прежде всего – по вопросу о том, с какой целью должно осуществляться подобное творчество. К чести слушателей, лишь немногие из них признались, что творили бы только из желания развлечься самим и развлечь (отвлечь от реальных проблем) предполагаемых читателей. «Свою книгу я бы хотела сделать такой, чтобы читатель на протяжении всего повествования находился в расслаб-

¹ И не только в фантастике. Вот пример других литературных опытов. «Лет до 16 я делала попытки написать роман. В результате этого родилась парочка неплохих рассказов и приличное количество стихов, а я приобрела привычку вести заметки со своими мыслями, кажется, на всю жизнь».

ленном состоянии». «Мое гипотетическое фантастическое произведение... несло бы в себе минимум морали и предназначалось бы просто для погружения в фантастический мир книги и наблюдения за жизнью персонажа». «Я бы описывала путешествие... это мог бы быть путь без какой-то цели или конца, либо путь был бы целью сам по себе». «Произведение было бы о поиске того – не знаю чего и там – не знаю где, т. е. все максимально отдаленно от конкретики и конечной цели, а внимание заострено непосредственно на процессе... с обильным описанием мелких деталей». «Я не сказал бы, что у меня есть какая-то идея, которую я хочу передать или распространить... просто я обожаю придумывать персонажей, места, культуры, разные мелочи, которых... в нашем мире нет».

А некоторые отвечавшие попросту усомнились в собственных способностях создать нечто имеющее интересный многим смысл. «Я думаю, сюжет моего произведения был бы чем-то очень тривиальным: какой-нибудь юноша с характерными проблемами подросткового возраста сталкивается с новым волшебным миром, в котором раскрывает свой скрытый потенциал и становится лучшей версией себя. Это наверняка звучит максимально вторично, но я и не претендую на оригинальность».

Однако большинство опрошенных сошлись на том, что в их текстах должна быть раскрыта серьезная и значимая для читателей проблематика. «А в конце должна быть мораль, не знаю какая, но обязательно важная и не банальная». «Книга была бы посвящена космическим путешествиям, разным планетам, фантазиям на тему колонизации других миров и моральным дилеммам на тему: мы или они». «Мое фантастическое произведение было бы о планете... на пороге апокалипсиса... Роман должен ответить на вопрос о том, на что может пойти человек ради собственного выживания». «Душа героя в каком-либо мире подселяется в тело случайного младенца, и герой вместе с ним проживает жизнь... Полученная мудрость дает ему возможность... трезво взглянуть на мир вокруг, сделать некий моральный выбор». «Одна из целей фантастики для меня – показать безграничность человеческой мысли и доказать, что знание сухих наук и законов – не обязательно показатель интеллекта». «Мне интересно найти ответы на вопросы: что должно произойти, чтобы родные сестры стали кровными врагами? Какую цену человек готов заплатить, чтобы вернуть самое дорогое, что было утрачено? Почему мы вдруг отвергаем то, во что верили всю жизнь?» «Этот приключенческий роман должен... ставить много психологических вопросов о том, как относиться к окружающему миру и людям, кому верить, стоит ли доверять самому себе и как не потерять себя в поиске других». «Я хотел бы рассмотреть вопрос о границе между чувством безопасности и чувством личной свободы». «Есть две основные мысли, которые можно было бы вложить в мое произведение: 1) правильный выбор, если он есть, всегда будет вознагражден, хоть и не обязательно сразу; 2) правильного выбора не существует, есть выбор и его последствия, с которыми тебе дальше жить». «Главная цель – дать понять читателю, что мир должен существовать в балансе. Невозможно жить в идеальном мире, нужно уметь находить хорошее и в плохом». «Я бы написала небольшое произведение, рассказ или повесть, о судьбе и свободе».

В цитируемых ответах не случайно присутствует уточнение жанра предполагаемого фантастического текста: его определение входило в полученное слушателями задание. Как мы и ожидали, большинство студентов осталось в плену доминирующих в современной издательской практике (и не только на рынке фантастики) установок на эпичность и серийность, а потому они сделали выбор в пользу

крупных жанровых форм. «Если бы я решил написать фантастическое произведение, это, скорее всего, был бы роман». «Формат – роман или, возможно, повесть». «Вот такой роман я бы написал». «Если бы я задумала написать фантастическое произведение – это был бы роман, и он бы объединял в себе два разных мира».

Впрочем, и роман отнюдь не предел творческих стремлений. «Книгу я бы написала в жанре приключенческого романа, который, возможно, в дальнейшем стал бы циклом романов». «Мое фантастическое произведение по жанру было бы циклом романов». «Я планирую написать цикл романов». «Если бы я задумала написать фантастическое произведение, то главным героем моего романа (а возможно, и цикла романов) был бы переводчик с фантастического языка». «Некоторые люди могут перевоплощаться в драконообразных существ. Они живут, скрываясь от общества, и защищают свой мир от враждебных параллельных миров... Скорее всего, при должной доработке это могло бы перерасти в цикл романов». «Выбирая жанр, я бы остановилась на цикле романов, так как это позволяет как можно подробнее описать каждого героя». «Это был бы цикл романов, что позволило бы рассказать о мире с разных сторон». «Цикл романов о четырех “попаданцах”... У каждого будет своя история, определяющая его судьбу». «Это был бы цикл романов про путешествия в космосе». «Если бы я задумала написать свое фантастическое произведение, то героем этого произведения был бы обычный человек из нашего мира... И однажды он попадает в совершенно другой мир... разделенный на локации и агломерации... Это был бы цикл романов».

Если же слушатели и не планируют не поддающийся количественной конкретизации романский «цикл», то задумываются хотя бы о «серии». «Мое фантастическое произведение будет про королевство, в котором проживали существа разных рас... Данное произведение является серией романов». «Планируется, что история (ранее было пояснено, что она «о мире с ангелами, демонами, Богом, Смертью и прочей нечистью». – *Е.К.*) будет представлена в трех частях, т. е. это серия романов». «Мое фантастическое произведение будет про королевство, в котором проживали существа разных рас... Данное произведение является серией романов». «Я с самого детства мечтала написать свою серию романов».

Лишь немногие студенты скромно признались, что планируют начать с текстов относительно небольшого объема – или хотя бы вовремя остановиться в развитии сюжета. «Если бы я задумал написать фантастическое произведение, то это был бы небольшой рассказ». «Считаю, что начинать нужно с малого, особенно людям неопытным, вроде меня, поэтому первые свои работы я планировал как рассказы или повести». «Я бы для начала (будучи совсем новичком в написании произведений) обратилась к небольшим рассказам». «Если бы я задумал написать фантастическое произведение, то это была бы новелла». «Когда я думаю о том, какое фантастическое произведение мог бы придумать, мне представляется повесть, посвященная миру будущего». «Думаю, что мой вклад в копилку фантастических произведений был бы повестью в жанре социально-философской фантастики». «Я бы написала в стиле фэнтези, приключений, где главные герои расследуют что-то странное и ищут объяснения необъяснимому. Конечно, такой текст можно растянуть на несколько романов, но я бы написала всего один роман, чтобы оставить некоторые вопросы неразрешенными».

Впрочем, и рассказ, по мнению ряда отвечавших, способен стать лишь первым шагом к крупной форме. «Я мечтаю написать фантастическое произведение в жанре рассказа или циклов рассказов». «Сборник небольших рассказов, объе-

диненных одной идеей, – подходящий формат». «Жанром, наверное, был бы цикл рассказов. То есть сцепленные друг с другом, но вполне самостоятельные истории». «Если бы я задумал написать фантастическое произведение, это была бы серия рассказов». «Если бы мне довелось заняться написанием фантастического произведения, то это скорее всего были бы сборники рассказов, каждый из которых должен был бы нетривиально раскрывать свою основную фабулу». «Это был бы роман, состоящий из цикла рассказов, в каждом из которых своя история, но их совокупность позволяет двигать и раскрывать основной, общий сюжет». «Сюжет уложился бы в цикл романов. Или мог бы существовать в более простой форме (ряд новелл)». «Повесть или рассказ, можно растянуть на роман».

Часть отвечавших интерпретировала понятие «жанр» расширительно, как обозначение общей проблематики, пафоса, особенностей эстетической концепции и повествовательной структуры предполагаемого фантастического текста. «Повесть либо фэнтези, либо абсурдистская (или хотя бы с элементами, как “Футурологический конгресс”¹), желателен черный юмор». «Это был бы приключенческий роман». «Данное произведение было бы в форме романа, я бы включила в него элементы драмы, приключения, фэнтези».

Многие слушатели сочли необходимым также конкретизировать тип фантастики, в рамках которого они намерены творить. «Я полагаю, что лучше всего у меня получилось бы написать цикл романов в научно-фантастическом стиле». «Скорее всего, это было бы произведение в жанре именно фантастики социальной и научной». «Это был бы роман (фэнтези) о “попаданце”, который внезапно оказывается в незнакомом месте и незнакомом теле». «Если бы хватило сил и терпения, то я бы написал фэнтези-роман про героические сражения и захватывающие дух приключения». «Жанр – фэнтези, более подробно не продумывала еще».

Основное внимание большинство слушателей уделило, конечно же, собственной фантастической посылке – идее или гипотезе, которую они положили бы в основу сюжета. В количественном отношении в ответах доминирует *научная фантастика*. Наиболее популярными посылками в ней ожидаемо оказались: путешествия во времени, «постапокалиптика» (тоталитарный мир после катастрофы или информационная цивилизация, зашедшая в эволюционный тупик), бесконтрольный технологический прогресс и связанные с ним угрозы, приключения в космосе, варианты биологической эволюции разумных существ, новые способы перемещения в пространстве, передача мыслей на расстоянии и т. п.

Вот типичные примеры. «Я бы хотел в фантастическом произведении как-то реализовать возможность останавливать время». «Мое фантастическое произведение было бы о путешествиях во времени или существовании параллельных (альтернативных) миров». «Интересно было бы написать о путешествиях во времени, я бы постарался приплести под это общую теорию относительности (когда-то у меня были попытки разобраться в ней)». «Интересно было бы поразмышлять на листке [бумаги] о других формах жизни». «Если бы я писал фантастическое произведение, то сосредоточился бы на быте и интригах персонажей различных рас... Мне было бы интересно показать быт, мышление и мораль существ, отличающихся от человека». «Мое фантастическое произведение будет романом о пришельцах, которые жили на Земле; они попали туда давным-давно и интегрировались в современное общество». «Сюжет был бы завязан на раскрытии секретов древней цивилизации, оставившей современным людям некие технологии».

¹ Имеется в виду роман С. Лема.

«[Я бы описал] недалекое будущее, [когда] была открыта и запущена в массовое использование система “кротовых нор”, благодаря которым человечество начало колонизировать другие планеты».

Или вот такие еще более детальные планы. «Существование множества параллельных миров, между которыми можно путешествовать. Или существование аномального [мира] и организации (организаций, разных и конкурирующих), которая этим аномальным [миром] ведает. Существование телепатии и всяких таких псионических сил (и возможности, например, внушать людям мысли). Космические перелеты тоже круто!» «Ученый создает клон человека втайне от всех и всего научного сообщества... на протяжении многих лет он наблюдает за ним... пытается ответить на вопрос: что больше всего влияет на личность человека, внешние обстоятельства или генетика». «Многие века мир управлялся не человеком, а машиной. Героям предстоит убедить разумный искусственный интеллект в бессмысленности его власти, как сущности, не имеющей чувств и творческого потенциала и потому несравнимой с человеком». «Однажды в Антарктике [из-под] земли неожиданно появилась высокая облачная башня... Эта башня является тестом, который высшая цивилизация вселенной подарила Земле, обнаружив, что цивилизация Земли достигла уровня апгрейда... [В итоге] цивилизация Земли стала одной из высших цивилизаций и получила подарки от других высших цивилизаций». «Повесть о четырех планетах в одной звездной системе, каждая пара которых должна, столкнувшись, поглотить одна другую. На каждой планете живут люди разных гильдий... Планеты заключают союзы, межпланетные соглашения, но сами их и нарушают». И так далее.

Позабавили промелькнувшие в ряде ответов близкие слушателям реалии сегодняшнего дня. «Действие разворачивается вокруг одного из московских университетов, где увлеченные студенты технической специальности работают над искусственным интеллектом и робототехникой и параллельно пытаются разобраться в своих чувствах друг к другу». «[Я раскрыл бы] апокалиптический мотив про уничтожение мира коронавирусом». «Постапокалипсис. Россия 3020. Ковид-19 не побежден... мир 1000 лет на карантине, за это время вирус мутировал и 75% населения планеты тоже: они выглядят как люди, но остались только животные инстинкты, они очень агрессивные, они нападают, убивают. Оставшиеся люди (25%) собрались в колонии... Они живут в огороженных общинах».

Некоторые замыслы вызвали невольное сочувствие. «Мой рассказ был бы фантастикой в перемещении во времени по теме “возьми лучшее”. Для современной молодежи скоро станет фантастикой, что в прошлом мы имели бесплатное образование, бесплатную медицину, могли на работе получить по очереди бесплатную квартиру, имели полные зрители кинотеатры, танцплощадки (где яблоку упасть негде) и комсомольские стройки века. [Я хочу] показать, что значит забота, доверие, уважение и любовь, взаимовыручка. Мир, где деньги не являются идолом поклонения. Также [хотелось бы] перенестись в далекое будущее, где ясно, к чему привел общество прогресс. Как смогли распорядиться потомки новыми цифровыми технологиями, общением в космосе и т. д. Показать, по какому пути (добро или зло) двинулись земляне и к чему это привело. Дать возможность подойти к оценке всех событий с реальной ответственностью и исправить все возможные перекосы политиков, взять в будущее все лучшее. Думаю, такая фантастика заставит хоть немного задуматься: “Что мы делаем!”»

Предложенные слушателями *фэнтезийные сюжеты*, как и научно-фантастические, вполне традиционны. В тренде – встречи с чудесным, романтические ландшафты, прекрасные девы, небывалые звери, головокружительные приключения и битвы.

Вот, по-видимому, фантазии женской части аудитории. «Моим произведением стал бы роман о девушке, обладающей магическим даром и живущей в каком-то другом мире, где обязательно обитают какие-то необычные существа». «[Мой рассказ был бы] о маленькой девочке, которая в минуты печали нашла озеро чудес. Это был бы портал в маленькое, но в то же время прекрасное и таинственное местечко, где обитало не менее таинственное, очень древнее и мудрое существо». «История о мальчике-альбиносе Валериане, рожденном в обычной человеческой семье, но способном видеть духов природы и замечать движения... маленьких лесных друидов, ночных жителей – вурдалаков, русалок – в протекающей рядом речке». «[Это был бы рассказ] о жизни девушки со сверхспособностями. Ей бы пришлось скрывать свой дар, но об этом бы все равно узнали».

А здесь явно ощутим мужской подход. «[Это были бы] необычные детально прописанные миры (не обязательно с магией) и путешествия по ним героя, вмешательство героя в политику фэнтезийных миров». «Изначально ничего не было, кроме двух чудищ-демиургов... Они сражались, но ни одно не могло победить... им одновременно... пришла в голову идея придумать Великий Закон Подлости, направленный против другого... Лейтмотив в том, что противостояние равносильных величин суть естественный ход вещей... за счет чего и достигается равновесие». Или самокритично: «[Это была бы] избитая история про войну между королевствами, пророчество и квест».

Потенциальные авторы не обделяют вниманием и «смежные» с *фантастикой жанры*. Вот, например, замысел, демонстрирующий отчетливые черты притчи, развернутого метафорического иносказания. «Я уже писала фантастический рассказ про человека, ищущего свой жизненный путь. Человек-путник всю жизнь идет по одной и той же скучной дороге и вдруг решает свернуть. С ним начинают происходить необычные события, ему очень непривычно идти по новой дороге. Фантастичность рассказа заключается в перевоплощениях героя, в том, что горы, мешающие ему пройти свою дорогу, внезапно ожили и убежали, открыв перед ним путь, и т. д.».

Или вот такие, тоже скорее метафорические, нежели научно-фантастические, посылки. «Люди придумали процедуру... чтобы человек смог узнать свою прошлую жизнь... Люди пытаются найти своих родственников из прошлой жизни, свою жену или мужа». «Суть [моего замысла] в том, что любовь, чувства – это ресурс, который можно передавать [друг другу]. Существуют доноры любви (как доноры крови), это люди, которые легко влюбляются или состоят в продолжительных счастливых отношениях; у них нет недостатка в этом ресурсе». «Если бы я задумала написать фантастическое произведение, это была бы... история о принятии себя. Герой бы подвергся сверхъестественным метаморфозам... Например, появление у него третьего глаза или способность видеть запахи вместо привычного нам света... Герой встанет перед выбором: принять себя и попробовать прижиться в старом обществе, найти новое общество или же непоправимо изменить себя еще сильнее».

А вот явный задел для мифологических эпопей. «Это был бы мифологический цикл, возможно, [по мотивам] скандинавской мифологии, который повествовал бы о сотворении мира... о богах, героях, о том, как интерпретируются различные природные явления». «Моим желанием... было бы создавать полноценную...

Вселенную, не уступающую миру Арды профессора Толкиена или Планетосу Дж. Мартина. Она бы строилась на понятии относительности добра и зла, смерти и жизни, хаоса и порядка: в ней бы не было классического разделения на плохих и хороших героев, постоянного противоборства между двумя крайностями. Это был бы мир, в котором главными ценностями являлись бы не Спасение во имя Добра и не Власть ради Благополучия, но познание самого себя».

Есть и наброски антиутопий. «Сложно точно сформулировать конфликт самого произведения, но парадокс квантовой телепортации в том, что человек, заходя в телепортационную машину, расщепляется на атомы, то есть умирает; плюс... парадокс Тесея, только не с кораблем, а с человеком: тот же это будет человек или уже другой? и что такое “тот же самый”? Возможно, [мой текст будет] в жанре антиутопии, где такая телепортация может быть принудительной, и найдется человек, который будет против».

И, наконец, уклон в фантазмагорию и абсурд. «В мире этого произведения персонажи, предметы, их взаимодействия и взаимосвязи были бы перепутаны между собой, смешаны, были бы одновременно и собой, и чем-то другим... Например, правая рука отца главного героя могла бы одновременно быть и сомом, увиденным героем в юности, и картиной, описанной за несколько страниц до этого, и кровью, струящейся в жилах читателя в момент прочтения им этого отрывка. Но при этом рука остается рукой. Нелепые и нелогичные сопоставления, перевоплощения и гротескные взаимосвязи должны составить сложную структуру, открывающую в своих конкретных проявлениях невероятную природу всего материального мира с его законами и ограничениями».

Ряд потенциальных авторов решается на *совмещение научно-фантастического и волшебного миров*. «В рамках такой истории было бы три книги: в первой все описывалось бы в рамках фэнтези со свойственным ей загадочностью; во второй... фэнтези плавно исчезает, уступая место научной фантастике и превращая историю из приключения в социальный роман; в третьей книге действие перешло бы в космос, полностью приняв облик НФ».

Или вот такой масштабный замысел. «Если бы я задумала написать фантастическое произведение – это был бы роман, и он бы объединял в себе два разных мира, к которым я всегда питала слабость во время чтения книг или просмотра фильмов. В первом из миров было бы будущее в районе от 2070-х до 2090-х годов. Это был бы мир киберпанка, в котором люди не просто использовали высокие технологии, но уже сделали их неотъемлемой своей частью, вживляя в себя имплантаты и тем самым улучшая возможности своего тела, в корне меняя естественную природу человека. С помощью таких имплантатов можно было бы зайти так далеко, что от прежнего человека оставалась бы только душа, но внешне никогда было бы нельзя определить, кто находится перед тобой. В другом мире все было бы совсем иначе. Это – прошлое, в промежутке 11–13 веков. Здесь властвует магия, живут необычные создания от добрых до самых пугающе свирепых. Такой мир все еще находится во власти природы, и лишь изредка можно наткнуться на небольшие поселения или, еще реже, на крупные города... И эти города настолько красивые, что их сложно вообразить: маленькие уютные домики в объятиях огромных замков, верхушки которых уходят высоко в небо. Они выглядят так, словно их архитектура была взята из книги со сказками или сами эльфы строили их. Между этими двумя мирами был бы секретный проход, о котором знали и [которым] умели пользоваться лишь немногие».

И в сатирическом ключе: «Это был бы цикл романов, в котором главный герой, ученный, находится в поисках лекарства, излечивающего любые болезни, и на пути его встает много преград, от ведьм до бюрократов».

Другие слушатели не менее отважно вознамерились соединить фантастику и реальность. «[Я написал бы] рассказ или цикл рассказов о столкновении реального мира и сверхъестественного. Может быть, какие-то аномалии или проявление необычных способностей у людей или предметов. Каждая история [состоит из] описания жизни до появления сверхъестественного, самого фантастического сюжета и жизни персонажа (персонажей) после него, когда эта аномалия или способность уничтожена или исчезла; как он(и) воспринимают теперь обыкновенный мир после вот такого столкновения». «Роман о магии... по типу Гарри Поттера, где в современном мире присутствуют элементы магии, только в другом формате, она не скрыта, а просто есть люди, которые владеют магией. Возможно, сюжет разворачивался бы в будущем, где подавляющее большинство имеет магию, и главный герой был бы без этого таланта или, наоборот, со способностью “отключать” магию». «Посыл книги заключался бы в том, что попасть в фантастический мир способны все живущие в реальном мире, однако не все морально готовы к этому и не все хотят замечать сигналы волшебного мира, которые иногда проникают в жизнь обычных людей».

«Совмещение миров», как похожих на наш, так и максимально отличных от него, вообще стало в ответах слушателей одним из лейтмотивов. «Главный герой живет в нескольких мирах одновременно. Засыпая в одном, он просыпается в другом (и таким образом никогда не спит)... Сны на самом деле – другие миры, и люди не помнят их, потому что иначе они сошли бы с ума, не понимая, вчера они дрались с драконом, строили Вавилонскую башню или смотрели комедию, лежа на диване»¹.

И, конечно, – любовь, любовь! «Если бы я писала фантастическое произведение, то несомненно написала бы про взаимную любовь». «Я хочу написать историю любви. История произошла в колледже. Когда мальчики и девочки впервые встретились в первый день в школе, они влюбились друг в друга с первого взгляда». «Была одна девушка, которая смогла из своего родного прошлого попасть в далекое будущее. И там она повстречала мужчину, левая рука которого полностью была из металла, и он был совсем не похож на людей, которых она когда-либо знала. Но, несмотря на это, они влюбились друг в друга так сильно и так самозабвенно, что никакие преграды не смогли бы их разлучить».

Немалая часть предложенных студентами сюжетов подразумевала раскрытие некой *обобщенной социально-критической или философской проблематики* – и порой фантастической в строгом смысле слова гипотезы даже не требовала. «Темой моего предполагаемого произведения я бы сделал человеческую психологию, адаптивность человеческого сознания к новым условиям». «Это была бы проза о взаимодействии человека и искусственного интеллекта (можно такое написать и о современности. – *Е.К.*)». «Скорее всего... это будет развиваться как борьба за свободу, которая в конечном счете приведет к революции». «Главный герой (одиноким художник, артист, философ) путешествует с места на место и дивится на происходящие вокруг него глупости, пытаясь по мере сил сохранять дистанцию и нейтралитет. Но, конечно, в какой-то момент эта стратегия перестает работать:

¹ Идея занятная, но, увы, давно использованная в фантастике. Например, в цикле «Лабиринты Эхо» Макса Фрая.

он кого-нибудь встречает, и дальше они страдают уже вдвоем». «Основной посыл, который я пытался формировать в своих работах... что главный и основной порок технологичного общества – это эгоизм и эгоцентризм в сознании людей. А как мы знаем, любой эгоизм – это ограниченность мышления, откуда и возникает регресс».

Некоторые будущие авторы и сами понимали, что для всего перечисленного нет необходимости писать непременно и именно фантастику. «Хотелось бы порассуждать о том, что социальное развитие человечества виляет на технологическое... Фантастическая посылка в данном случае не так уж и важна, она скорее помогает гиперболизировать ситуацию, чтобы было легче развить основные мысли произведения».

Любопытной, на наш взгляд, стала возникшая в ряде ответов переключки мнений о *вторичности (заимствовании) предлагаемых студентами посылок и сюжетно-композиционных схем*. Некоторые слушатели открыто заявили о намерении идти по уже проторенным дорогам и заранее признались в том, что испытали (или испытают при создании собственных текстов) влияние признанных мастеров фантастики. «Меня вдохновляли такие писатели, как Толкиен, Льюис, Желязны, Мартин». «[Хотела бы написать] короткий рассказ в стиле Шекли или Борхеса». «Думаю, что, если бы я начал писать фантастическое произведение, у меня получилось бы что-то вроде “1984” Оруэлла». «В сюжете своего фантастического литературного произведения я бы хотел продолжить магическую линию, созданную Дж. Роулинг». «Мне было бы интересно написать цикл романов, как это делал Стивен Кинг. Каждый роман был бы отдельной историей, герои которой сталкиваются с чем-то мистическим или... ужасающим». «Это были бы рассказы, идеальными примерами [для которых я] считаю [произведения] Шекли, Гаррисона, Брэдбери, Геймана, Стругацких».

Иногда количество образцов для подражания попросту зашкаливает. «Мое гипотетическое фантастическое произведение совместило бы в себе классический сеттинг фэнтези (по типу Толкиена) и морскую тематику (с пиратами, кракеноподобными чудовищами, открытием неизведанного), возможно, добавил бы нечто лавкрафтовское и т. п.». «Думаю, я написала бы рассказ, который напоминал бы смесь из “Страны слепых” Уэллса, “Соляриса” Лема, платоновского мифа о пещере, “Бракосочетания Рая и Ада” Уильяма Блейка, [а также включал бы] результаты эксперимента Мишеля Сифра “Вне времени”¹».

В других же случаях наблюдалась прямо противоположная картина. Не следуя никаким авторитетам и, скорее всего, по незнанию – если только не с тайной иронией – слушатели выдавали за свои собственные давно уже высказанные идеи и реализованные фантастами сюжеты. По-видимому, никогда не слышал о романе К. Чапека «Война с саламандрами» студент, описавший замысел своего предполагаемого творения следующим образом: «Люди стремятся найти другие расы, доказать, что мы не одиноки в космосе. А если такая раса уже живет на нашей планете, и они древнее нас и лучше развиты (и пускай их предки – рептилии)?» И каким-то чудом так и не познакомился с «Хоббитом» Д.Р. Толкиена слушатель, поведавший: «Если бы я задумал написать фантастическое произведение, это была бы серия рассказов, повествующих об образе жизни и приключениях придуманных мною фантастических существ. Это покрытые шерстью обладающие человеческим интеллектом полузверьки, ведущие размеренную жизнь в пределах родных селений».

¹ Мишель Сифр – французский ученый, геолог, спелеолог. Известность получил благодаря серии хронобиологических экспериментов «Вне времени», в ходе которых надолго оставался один без часов в пещере, изучая субъективное ощущение течения времени.

Скорее всего, не прочел «Аэлиту» А.Н. Толстого некто мечтающий описать в собственном сочинении «историю любви мужчины с Земли и женщины-марсианки». Не видел даже экранизации романа А. Беляева «Человек-амфибия» тот, кто заявил: «я хочу написать научную фантастику, [в которой] главный герой наполовину человек и наполовину рыба». И не знает о «путешествии в описываемое будущее» в романе А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» слушатель, рассуждающий: «Я бы написал цикл романов... со следующей завязкой сюжета: непризнанный ученый хочет изобрести устройство, позволяющее открывать порталы в миры уже написанных ранее литературных произведений».

По-видимому, даже не подозревает о пьесе К. Чапека «R.U.R» или, скажем, о романе М. и С. Дяченко «Пандем» и автор вот такого замысла. «Произведение было бы об утопическом мире, где... людям больше не нужно работать и они могут полностью отдаться своим хобби и увлечениям... Основной сюжетной идеей было бы слишком большое наличие ни на что не годных людей, которые некогда из хобби и развлечений имели лишь алкоголь и подобное». Увы, не познакомилась с эпическими полотнами О. Степлдона («Последние и первые люди», «Создатель звезд») и слушательница, сообщившая: «Я бы написала рассказ о герое, глазами которого читатель может наблюдать за изменением окружающего мира, начиная с сотворения Вселенной [и] до полного ее уничтожения».

Практически повторяет идею новеллы «Загробная жизнь» С. Кинга – не говоря уже о бесконечном количестве иных написанных до сегодняшнего дня фантастических историй о перерождении и переселении душ – автор вот такого предполагаемого сюжета. «Рассказ. Попадает мужик в рай. Он может получить ответ только на один свой вопрос. Он спрашивает: “А в чем смысл всего этого?” После адской бумажной волокиты в сотне райских бюрократических инстанций ему указывают на дверь. Он входит... Его достают чьи-то руки, вокруг люди в белых халатах и масках. Он возмущен тем, что не получил удовлетворительного ответа, но резкий шлепок по пятой точке заставляет его пронзительно плакать. Когда он очнулся, он уже мирно попивал материнское молоко и уже не помнил ни своего вопроса, ни того, что задавал этот вопрос каждую свою реинкарнацию».

Однако неполнота собственных знаний о фантастике отнюдь не мешает слушателям грезить о писательской славе. И не в последнюю очередь – о коммерческом успехе собственных творений. Радея о том и другом, некоторые студенты заранее облачают свой замысел в форму издательской аннотации к книге, которую рано или поздно непременно выпустят в свет. «Действие разворачивается... в 1945 году... доброволец на фронте, переодетая в мужчину молодая девушка, внезапно попадает в ад... Она становится “менеджером сатаны” и самым приближенным его советником во всех вопросах, включая личные. Какие планы у развратной грешницы, зачем ей допуск к самым великим тайнам ада?» «Что бы произошло с человечеством, будь у каждого из нас сверхспособности?.. Ужасные события и катастрофы стали неотъемлемой частью существования землян... И лишь Избранный может изменить уже устоявшийся порядок вещей».

И все же, несмотря на банальность и вторичность некоторых предлагаемых сюжетов, в целом ответы слушателей МФК на вопрос о том, какое фантастическое произведение им хотелось бы когда-нибудь написать, производят хорошее (а временами и трогательное) впечатление. Ибо ответы говорят о богатстве фантазии и творческом потенциале большинства студентов, – потенциале, который, хочется верить, они смогут в будущем реализовать в рамках избранных ими специально-

стей. Ответы свидетельствуют и о том, что студенты в основном верно понимают задачи фантастического текста и художественные функции, которые призвана исполнять фантастика. «В общем, главная идея произведения – обескуражить читающего тем, насколько близко к нашей жизни может быть необычайное, и, если получится, даже немножко побудить его усомниться в своей реальности». «Любопытство, стремление к неизведанному, разум, воля и Фантазия – вот что двигает всех нас вперед».

В заключение обзора, как и ранее, приведем наиболее философичный, но вместе с тем исключительно трезвый и резонный ответ. «Признаться честно, трудно сказать, о чем бы было мое произведение. Наверное, это зависело бы от множества факторов, которые могли повлиять на мое настроение в тот день, когда я “сел за перо”. Был бы это короткий рассказ о любви в магическом Средневековье, повесть, полная философских мыслей и терзаний создания, пресытившегося... жизнью 19 века, или роман (а может, даже и целый цикл романов) о прекрасном в своем одиночестве и великолепном в своем искусстве охотнике за “нежитью” современного мира – я не знаю... И кто знает, о чем я буду писать, когда этот день настанет: об ужасных жилищных условиях русалок или об одиночестве в хрустальном шаре?»

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Настало время подводить итоги – и не только данной, но и всем нашим публикациям, освещающим восприятие и трактовку фантастических произведений слушателями межфакультетских курсов МГУ имени М.В. Ломоносова.

Суммирование наших наблюдений можно начать с констатации, что фантастика – и пока все еще в основном в литературном обличье (с которым, однако, все более успешно конкурируют кинематограф и мир компьютерных игр) – действительно представляет собой феномен, привлекательный для молодежи, хотя популярность фантастического чтения, безусловно, не стоит абсолютизировать. Влияние семьи, круга друзей, общение со сверстниками, наконец, школьная программа с большой вероятностью гарантируют каждому ребенку знакомство хотя бы с несколькими фантастическими текстами – как «классическими», прошедшими проверку временем (романы Ж. Верна, Г. Уэллса, А. Конан Дойла, Р. Стивенсона, О. Хаксли, Д. Оруэлла, В. Обручева, А. Беляева, А. Толстого, Е. Замятина), так и новейшими, популярными в подростковой среде (произведения Д. Роулинг, С. Майер, Д. Мартина, С. Лукьяненко и др.). Как правило, по крайней мере одна или несколько книг из данного перечня запоминаются и вызывают желание продолжить чтение фантастики. Станет ли она после этого объектом долговременного интереса, зависит от многих иных факторов: молодежной литературной моды, совокупности прочитанного, личных обстоятельств, житейских и жизненных приоритетов и т. п.

Большой (в количественном аспекте) интерес к фантастической литературе проявляют молодые люди с «естественно-научным» складом мышления. В сфере их преимущественного внимания оказывается рациональная (научная) фантастика, не в последнюю очередь рассматриваемая этими читателями как источник идей и гипотез, имеющих потенциальную исследовательскую перспективу. Отсюда и типичные запросы слушателей: в результате освоения фантастоведческого МФК они хотят «овладеть научным подходом к чтению фантастических произведений», познакомиться с как можно более обширным кругом «серьезных» писателей-фантастов и созданных ими фантастических произведений.

Кроме того, представителями данной группы научная фантастика расценивается как литература более «проблемная и дискуссионная», нежели ее соседка и конкурентка фэнтези. Читатели данного типа в основном обращают внимание на такие аспекты проблематики и поэтики фантастического текста, как верификация фантастической посылки, логическая непротиворечивость вымышленного мира (и его соответствие современному научному знанию), экономическая и политическая обоснованность представляемых автором моделей социума, оценка перспектив биологической и технологической эволюции, пафос научного познания вселенной, а в самом широком плане – на раскрытие писателем общего когнитивного потенциала (как мировоззренческого, так и практического, прикладного) рационалистической интерпретации бытия.

Вдумчивость чтения и серьезность требований, предъявляемых к фантастике молодыми адептами естественных и точных наук, свидетельствует о несомненной устойчивости в сознании поколений именно отечественной традиции фантастического чтения, всегда ориентировавшей аудиторию на восприятие фантастики как обучающей, просвещающей, прогностической словесности – «литературы крылатой мечты», «лоции для потомков» и т. п.

Студенты же с «гуманитарной» ориентацией более восприимчивы к философской и нравственной основе фантастических сюжетов – и в этом плане отдают предпочтение фантастике социальной и психологической (пусть и с рациональным типом посылки), но еще чаще – фэнтези, интуитивно ощущая и приветствуя связь последней с фольклорной и литературной сказкой, мифом, сферой подсознания и коллективного бессознательного. В центре внимания этих читателей оказываются такие компоненты художественной структуры и отличительные особенности фантастического произведения, как система персонажей (комплекс их поведенческих мотиваций, оттенки взаимоотношений), конфликт (его эмоциональная глубина и острота), воссоздание архетипов, романтизация непознанного, «торжество справедливости» в финале, а кроме того – система моральных ценностей вымышленного мира, достоверность и убедительность этических принципов его существования.

Наконец, немногочисленная, но нестандартно мыслящая и близкая нам своими суждениями о фантастике группа слушателей бескорыстно любит и ценит в подобной литературе саму стихию вымысла: богатство метафор и причудливость ассоциаций, зовущих читателя «за грань обыденности», прорыв в неведомое, «прекрасную игру ума», – а потому готова восхищаться любыми воплощающими необычайное художественными текстами, будь то НФ или фэнтези, «мистика» или «хорор», «психоделика» или «постапокалиптика».

В более же общем плане слушателей фантастоведческих МФК можно охарактеризовать как читателей активных, интересующихся законами создания вымышленных миров, стремящихся не просто сопереживать изображаемому, но дополнять и «достраивать» авторскую модель реальности. В фантастике ее почитатели ищут не только и не столько развлечения, сколько ответа на «вечные» вопросы, стоящие перед человеком и человечеством. Отсюда их устойчивый интерес к обобщенным гипотезам о причинах зарождения жизни и разума во вселенной, провиденциальном предназначении интеллекта и духа, о будущем биологического вида *homo sapiens*, его уникальности и исторической судьбе.

По нашим наблюдениям, к моменту прихода на свой первый фантастоведческий курс большинство слушателей обладает ограниченными сведениями о фантастике – и в практическом (корпус освоенных или планируемых к прочтению

текстов), и еще менее в теоретическом плане (представление о фантаствоведении как разделе науки о литературе, круг связанных с фантастикой терминов и понятий, классификация фантастических текстов, их содержательная и художественная специфика). Начальные мнения студентов о фантастике, как правило, обусловлены знакомством лишь с одним из ее типов или лишь с книгами ряда популярных фантастов. Чаще всего на круг чтения слушателей влияют ситуационные факторы – например, выход на экраны фантастических блокбастеров или появление новых ролевых и компьютерных игр на основе литературных сюжетов. В начале освоения курса узость фантаствоведческого кругозора нередко ведет к разочарованиям по поводу «неподходящей» и «неинтересной» тематики некоторых лекций (теоретических или освещающих «нелюбимые» типы фантастики) у наиболее фанатичных поклонников «только фэнтези» или «только НФ».

Устойчивость данных приоритетов читательского интереса только к любимым авторам и фантастическим новинкам преодолеть бывает нелегко. Вместе с тем ответы на письменные задания, а также устные дискуссии, спонтанно возникающие во время и по окончании лекций, показывают, что подавляющее большинство студентов внутренне ощущает (и приветствует) потенциальное разнообразие типов художественного вымысла и инстинктивно распознает их генетические взаимосвязи. А потому первоначальное неприятие отдельных разновидностей фантастики или преобладание расхожих стереотипов в суждениях о ней («сказка – для детей», «утопия – не фантастика», «Свифт (Булгаков, Чапек) – сатирик, а не фантаст» и т. п.) впоследствии чаще всего сменяется интересом именно к еще не освоенным вариантам «повествования о необычном», и к концу курса в письменных работах слушателей уже звучит восторг открытия новых для них областей литературы «явного вымысла».

Самостоятельные разборы отдельных произведений, размышления о достоинствах и недостатках созданных фантастами вымышленных миров, а также рефераты по отдельным темам курса, которые слушатели подготовили к зачету, показывают, что фантастический текст в основном рассматривается и оценивается студентами по общелитературным критериям (сюжетная динамика, глубина смысла при относительной легкости чтения, эмоциональное сопереживание героям, продуманность композиции и т. п.), но со специфическими дополнениями, характеризующими именно его фантастическую природу. Поклонники фантастики прежде всего ценят в тексте оригинальность посылки, убедительность вымышленной модели, ее связь с реальностью и личным опытом, как читательским, так и житейским. Не в последнюю очередь оценивается и «формат» текста, т. е. его соответствие жанру, определенной фантастической традиции, а порой и текущим литературным и культурным (точнее, «субкультурным», так как тон задает особое сообщество любителей фантастики – «фэндом») модам и трендам. Высоко ценятся также оригинальность авторской мысли, нестандартность раскрытия привычных для данного типа фантастики образов и тем. В меньшей степени привлекают слушателей стилистические и формальные эксперименты, индивидуально-авторские особенности повествовательной манеры и художественного языка.

К самым же общим впечатлениям, сложившимся у нас в процессе чтения фантаствоведческих МФК и затрагивающим уже отнюдь не только сферу фантастики, можно, пожалуй, отнести следующее. Значительная часть слушателей, особенно представляющая естественные, точные, социально-экономические направления подготовки, ощущает в процессе университетского обучения отчетливый дефицит

курсов гуманитарной направленности, прежде всего учебных дисциплин, имеющих культурно-ориентирующий и мировоззренческий характер. В то время как соответствующие – в том числе литературные и даже литературоведческие – запросы данной части аудитории действительно широки и глубоки. Остается лишь верить, что этот недостаток способны восполнить именно межфакультетские курсы, которые с течением времени, возможно, примут на себя роль «мировоззренческой» составляющей университетского образования.

Сведения об авторе:

Елена Николаевна Ковтун,
доктор филол. наук
ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Elena N. Kovtun,
Doctor of Philology
Leading Researcher
Institute of Slavic Studies RAS

kovelen@mail.ru